

П. А. РОДИОНОВ

Как начинался застой?

<Фрагмент>

<...>

Помню, в середине 70-х западная пресса делала прогноз: Брежнев уйдет в отставку на XXV съезде в 1976 году, когда ему исполнится 70 лет. Увы, не произошло этого ни в 1976-м, ни позже. Брежнев об отставке не помышлял и, как это впоследствии подчеркивалось в документах партии, растущее расхождение между высокими принципами социализма и повседневной реальностью жизни стало совершенно нетерпимым. Конечно, брежневский режим — главный виновник застоя, тут я целиком согласен с авторами публикаций о том периоде нашей истории. Однако я не хочу упрощать — корни застоя не только в личности Брежнева, а в первую очередь в несовершенстве наших политических институтов, включая и саму партию, что, конечно же, совсем не исключает персональной политической ответственности лиц, составлявших в застойные годы партийное и государственное руководство страны. Почему многие из них мирились с создавшимся положением? Почему прямо и честно не сказали тому же Брежневу, что ему пора оставить свой пост, ибо этого требуют интересы партии и народа? В случае нежелания Брежнева выйти в отставку, решить этот вопрос можно было в рамках демократических норм и структур, в открытую, как это делается в некоторых западных компартиях. Кемеровский коммунист, директор киселевской обувной фабрики Тенгиз Георгиевич Авалиани, нашел в себе мужество в преддверии XXVI съезда КПСС написать на имя Брежнева письмо, в котором по существу убеждал адресата уйти в отставку. Автор писал о том, что «промедление с пересмотром основ методов руководства» советским обществом, народом, тем более промедление еще на пять лет, «может дорого обойтись», что положение в стране очень серьезное, что «мириться и... увязать в нем нельзя», и потому «оно должно быть также серьезно и беспро-

медлительно обсуждено на Политбюро», что «этот вопрос должен быть главным в повестке дня съезда», что «нельзя допустить, чтобы съезд и подготовка к нему вылились опять в большой хвалебный, театрализованный спектакль». В письме откровенно и напрямую было сказано, что Политбюро и правительство не справились с возложенными на них обязанностями.

Как и следовало ожидать, то письмо было расценено как крамола, «покушение на устои». О содержании письма доложили К. У. Черненко, который поручил позвонить в Кемеровский обком и «разобраться» с автором. Авалиани сняли с должности директора фабрики, и неизвестно, как сложилась бы его жизнь, не начнись в стране перестройка. Стала важной и публикация письма.

Я не случайно обращаюсь к письму Авалиани. Обоснованность выдвинутых в нем требований о необходимости решительных перемен в партии и обществе хорошо понимали и те, кто находился в высшем эшелоне власти. Неверно было бы считать, что в руководстве партии и страны не было людей, противодействовавших чрезмерному возвышению Брежнева и проводимой им политике.

Мэлор Стуруа¹, например, пишет на страницах «Недели» (24–30 октября 1988 г.) о том, как в годы правления Брежнева устранен был «занесшийся Кириленко», об «укрощении строптивного Шелеста, о расправе со «взбунтовавшимся Егорычевым». Другой публицист, Федор Бурлацкий, в своей статье «Брежнев и конец оттепели» («Литературная газета», 1988, 14 сентября) приводит факт из жизни тогдашнего первого секретаря Московского горкома партии Н. Г. Егорычева, который в разговоре с одним из руководителей сказал: «Леонид Ильич, конечно, хороший человек, но разве он годится в качестве лидера такой страны?» «Фраза эта, — пишет далее автор, — дорого обошлась ему, как, впрочем, и его открытая критика на одном из Пленумов ЦК военной политики»².

Надо сказать, что подобным фактам авторы дают порой преувеличенную и не всегда точную оценку. В отношении «занесшегося Кириленко»³, например, тут вообще какое-то недоразумение. Есть, правда, данные, указывающие на то, что его отношения с Брежневым в 1978–1979 годах охладели, и это повлекло за собой некоторое снижение влияния Кириленко в высшей партийной иерархии, куда он попал исключительно благодаря Брежневу. Но может ли это служить основанием для утверждений о каком-либо противоборстве его с Брежневым?

Что касается «строптивного Шелеста», то, не оспаривая такой черты его характера, как строптивость, скажу тем не менее, что никто его не «укрощал», а что его, как это было кем-то остроумно замечено, «без шума и шелеста» спровадили на пенсию (что он недавно

и сам признал публично). Сделать это было легко, поскольку особой популярностью он не пользовался, слыл за человека с сильными националистическими замашками, сторонника жесткой линии.

<...>

Тем не менее были люди, которые действительно оказывали Брежневу серьезное противодействие. Кроме Шелепина и Подгорного, которых Брежнев с помощью своих подручных буквально вытолкал из состава Политбюро, а заодно и с занимаемых ими высоких постов, опасаясь лишиться единоличной власти, был еще и А. Н. Косыгин. Его разногласия с Брежневым — разногласия принципиальные. Косыгин отстаивал экономические приоритеты во внутренней политике, считая, что именно на этой основе надо поднимать материальное благосостояние трудящихся. Во внешней политике он выступал за разрядку и торговлю с Западом. Именно Косыгин явился инициатором экономической реформы 1965 года. Главнейшим условием ее осуществления он считал свободу действий в управлении экономикой, которое должно было осуществлять правительство. И до сегодняшнего дня в печати появляются рассуждения о том, что реформа эта сорвалась якобы из-за противодействия чиновников, особенно на местах. Все это по меньшей мере наивно. Реформа, несомненно, была зарублена «наверху», и не в последнюю очередь из-за ревностного отношения Брежнева к Косыгину.

Алексей Николаевич Косыгин пользовался заслуженным авторитетом как в нашей стране, так и за рубежом, это был опытный, компетентный государственный деятель. Отмечу, к слову, что когда в печати промелькнула заметка о том, что помощники Косыгина были чуть ли не церберами, ограждавшими шефа от народа, мне стало как-то не по себе от явной несправедливости подобного утверждения — Косыгин был демократичным человеком, и одной из черт его характера было сильно развитое чувство справедливости.

От мелких уколов, от некомпетентного вмешательства Брежнев, ставя перед собой цель ослабить позиции А. Н. Косыгина и возглавляемого им правительства, перешел к более ощутимым акциям. Мне вспоминается декабрьский (1969 г.) Пленум ЦК КПСС, посвященный вопросам экономики. Был он необычным, поскольку на нем, пожалуй, впервые за многие годы так резко критиковалось правительство. Сценарий, правда, был типичным: один за другим выступали ораторы и, направляя стрелы по преимуществу в сторону Госплана, на самом деле метили в правительство и в Косыгина, который его возглавлял. Некоторые речи, особенно тогдашнего первого секретаря Алтайского крайкома партии Георгиева, который даже не говорил, а буквально кричал, словно оказался на многолюдном митинге, отличались явной

тенденциозностью, чрезмерной категоричностью, а главное — неаргументированностью и вопиющей бестактностью.

Сидя за столом президиума, Косыгин терпеливо и, как мне казалось, очень внимательно выслушивал ораторов. Однако нельзя было не заметить, что он нервничал, хотя по натуре это был человек огромной выдержки. Многие из нас ждали, что Косыгин выступит, но выступил не он, а председатель Госплана Н. Н. Байбаков. Признав справедливость ряда критических замечаний, он спокойно, но весьма убедительно, на фактах показал истинное положение дел в экономике, а особенно в сельском хозяйстве. Изложил объективные и субъективные причины такого положения, он доказал тем самым всю несостоятельность грубых нападок на Госплан (читай: и правительство). Тот же Георгиев, к примеру, жаловался, что их краю не выделяют достаточно средств на развитие сельского хозяйства, а Байбаков привел данные, из которых явствовало, что алтайцы не осваивали даже выделенные средства...

В 1976 году Косыгин серьезно заболел. Кто-то сознательно пустил в ход и раздувал слухи о том, что после выхода из больницы он уже якобы не сможет выполнять свои обязанности Председателя Совета Министров СССР. На пост первого заместителя Председателя Совмина назначают Н. А. Тихонова, приятеля и земляка Л. И. Брежнева, чтобы в скором будущем сделать его главой правительства. Конечно же, этот выдвигенец и в подметки не годился Косыгину, популярность его была на нулевой отметке. Но что до этого тем, кто стоял за его спиной и кто личную преданность ценил выше деловых качеств, кто личные интересы ставил выше интересов государства...

<...>

Повторю: я касаюсь проблемы лишь с точки зрения политической ответственности тогдашнего руководства страны за принятие решений, подобных вводу войск в Чехословакию, а вот тут-то есть о чем поговорить. Во-первых, это решение было принято не полным составом Политбюро. Наиболее активную роль играли Брежнев, Подгорный, Андропов, Косыгин (к сожалению, и он!), Шелест и некоторые другие члены Политбюро. Во-вторых, разве принципиальные вопросы такого рода могут быть прерогативой лишь Политбюро ЦК? Не были созваны ни Пленум ЦК, ни сессия Верховного Совета СССР. Конечно же, при существовавших тогда порядках и традициях они скорее всего «проштамповали» бы решение Политбюро, как это делалось обычно, но Брежнев и его соратники даже не пытались создать и видимость демократичности. Я уж не говорю о том, что ни об истинных событиях в Чехословакии, ни о том, по какой причине ввели мы туда войска, сказано не было ни до событий, ни после. Более того, наши центральные газеты зачастую публиковали такие

необъективные материалы, которые чехословацкие сатирические журналы перепечатывали без всяких комментариев и правки, потому что их содержание заведомо было не в нашу пользу.

Журналисты — очевидцы «пражской весны» 68-го года рассказали на страницах «Московских новостей» (№ 35, 28 августа 1988 года) о том, с какими трудностями была сопряжена их работа в Чехословакии. События в братской стране нарастали с каждым днем, и журналисты, конечно же, испытывали понятную и жгучую потребность рассказать о них советским людям, однако ничего не шло в печать. И вот в Прагу прилетает Брежнев. Александр Дидусенко (тогдашний собкор газеты «Труд») и Василий Журавский (собкор «Правды»), воспользовавшись подходящим моментом, обратились к нему за помощью: «Как же нам быть, что писать?», а в ответ услышали: «Пишите правду». Потом Брежнев подумал и добавил: «В одном экземпляре». Еще подумал и заключил, ткнув пальцем в своего помощника: «Вот в его адрес». Должно было пройти целых 20 лет, чтобы журналисты смогли поведать правду уже не в одном, а во множестве экземпляров, и высказали они при этом очень важную мысль об уроках прошлого. Один из этих уроков звучит так: нельзя военной силой решать политические проблемы другой страны, другой нации, все это — опасная иллюзия, и история не прощает подобных шагов. Во взаимоотношениях между социалистическими странами не должны возникать ситуации, когда одна страна присваивает себе право решать что-то за другую. Уважение этого принципа самая надежная гарантия неповторения событий 1968 года. Политика не должна быть беспринципной, такая политика пагубна для тех, кто берет ее на вооружение, пытается извне вмешиваться во внутренние процессы, происходящие в других странах с целью переиначить их на свой лад.

Вспоминаю, как после чехословацких событий 1968 года небольшая группа советских коммунистов по приглашению ЦК ФКП приехала во Францию. Куда ни посмотришь — пестрят антисоветские лозунги, да и сами французские коммунисты не скрывали своего негативного отношения к вводу советских войск и войск Варшавского Договора в Чехословакию. Помню, с каким гневом говорилось это нам на встречах в различных районах страны. Зато в одной из речей Брежнева была сделана попытка обосновать правомерность ввода войск в Чехословакию, что послужило поводом говорить о «брежневской доктрине ограниченного суверенитета социалистических стран»³, подрывало авторитет КПСС и страны...

Приход Брежнева к руководству партией и страной еще не давал ему той реальной единоличной власти, какую он обретет несколько позже. В руководстве, как это вскоре обнаружилось, нашлись лю-

ди, способные бросить ему вызов. Именно поэтому в официальных документах того времени усиленно подчеркивалась необходимость строго соблюдать принцип коллективности партийного руководства, а фамилия Брежнева указывалась лишь в редких случаях. Но так продолжалось недолго. Брежнев был хитроумным тактиком, он умело использовал самые различные рычаги для достижения своих целей. Активно поддерживал лично ему преданных работников, раздавал должности друзьям, однокашникам, которым сходили с рук всевозможные прегрешения. За короткий срок в составе Политбюро и Секретариате ЦК произошли изменения, в результате чего власть Брежнева была упрочена, а к середине 70-х годов она стала, по существу, безраздельной.

Брежнев умело схватывал уроки истории, один из которых знал наизуток: начиная со времен Сталина решающим средством для упрочения власти было установление господствующего положения в Политбюро, Секретариате, а также в центральном аппарате. Пример Маленкова, этого опытнейшего, прожженного аппаратчика, которого сумели — да еще как сумели! — провести, лишний раз доказывал это. Известно, что после смерти Сталина пост председателя Совмина был предложен Маленкову. Естественно, возник вопрос: а каково же будет его положение в ЦК? Как рассказывали мне знающие люди, с подачи Н. С. Хрущева было заявлено: подобное уже было при Ленине, пусть Маленков ведет заседания Политбюро, хотя он и не является секретарем. Уловка, что называется, удалась, Маленков некоторое время председательствовал на заседаниях Политбюро, но вот на одном из них резонно был поднят вопрос: а почему, собственно говоря, Г. М. Маленков занимает ведущее положение в руководящем органе партии? Маленков в растерянности: вы же сами так решили, вы же ссылались на практику, которая была при Ленине? В ответ ему было заявлено: как можно сравнивать, Ленин — всеми признанный вождь партии...

Брежнев первым делом упрочил свои позиции в руководящих коллегиях ЦК, его аппарате, а уже потом прибрал к рукам и высшую государственную власть. К. Т. Мазуров, безусловно, прав, когда в одном из недавних интервью говорит, что Брежнев был хорошим выучеником сталинской командной системы. Умело пользуясь «методой» этой системы, он постепенно создал послушный ему секретариат, с помощью которого проводил свою линию и решения через Политбюро, переведя последнее как бы во второй эшелон (не случайно заседания Политбюро длились нередко лишь 15–20 минут). Со временем это позволило ему сосредоточить в своих руках все важнейшие рычаги партийной и государственной власти. Однако я не во всем согласен с Мазуровым,

который сейчас, отдавая должное Хрущеву за то хорошее, что он сделал, считает, что причиной резкого падения его популярности в партии и народе, брожения и возбуждения среди интеллигенции стали ошибки Никиты Сергеевича, за что он-де и был свергнут. Но тогда возникает логичный вопрос: а разве популярность Брежнева к середине 70-х годов не упала до нулевой отметки? Разве не было и тогда «возбуждения» и открытого недовольства всем происходящим, в том числе некомпетентностью лидера, подбором и расстановкой кадров из числа земляков и друзей? Разве Брежнев не похоронил на деле принцип коллективности руководства? Тогда почему же его не устранили от руководства, как устранили в октябре 1964 года Хрущева? Сегодня Мазуров утверждает, что он, как и многие другие участники октябрьского Пленума, руководствовались прежде всего желанием «восстановить доброе имя» нашей идеологической, партийно-политической службы. Но почему тогда то же самое желание не возникло в эпоху Брежнева?

К. Т. Мазуров высказывает соображение о том, что нельзя сосредоточивать всю политику в руках только руководителя партии, поскольку если она неправильна, то вина за все недостатки и провалы ляжет на партию, а это вредно для общества. Но ведь именно это и случилось при Брежневе! И что? Где было Политбюро? Сам К. Т. Мазуров верно определяет его роль как такого органа политического руководства, задачей которого является не только выработка и осуществление политики партии, но и предотвращение деформаций, отхода от ленинских норм и принципов партийного руководства. Этой-то роли, по его собственному признанию, Политбюро не выполняло, и даже те из членов Политбюро (включая и самого Мазурова), кто не одобрял поведение и действия Брежнева, кто испытывал боль за создавшееся нетерпимое положение, ничего скольконибудь действенного и эффективного не предпринимали. Но почему? Мазуров честно признает, что «в его интересы не входило вступать в какую-то конфронтацию с руководителем, даже если я с ним не согласен». И тут же он объясняет почему: «Меня сдерживали постоянные неурядицы в нашей партии, мнения иностранцев. Я лично много слышал от зарубежных коммунистов упреков: «Когда у вас кончится? Сталина вы разоблачили, Хрущева свергли, Брежневым недовольны... Никакой стабильности». Касаясь причин культового синдрома, Мазуров наряду с потребностью в «добром барине» и бескультурьем называет «заботу о единстве партии, боязнь ослабить ее».

<...>

Возвращаясь к эпохе Брежнева, скажу, что в то время были забыты горькие и неоднократные уроки истории, за что мы вновь заплатили слишком дорого. Те же, кто не закрывал глаза, действо-

вали локально, разрозненно, а потому, не достигнув своих целей, были выброшены за борт.

Одним из инструментов, который максимально использовал Брежнев, по признанию К. Т. Мазурова, было раболепство его ближайшего окружения. И опять-таки находит этому оправдание. «Да, мы проговаривали иногда (?) цитаты Брежнева, так как это были ссылки не на мысли Брежнева, а на установку партии, выраженную его устами. Да, мы иногда говорили какие-то приятные слова, но это обычно принято у людей. По одному этому нельзя считать, что мы создавали культ». Зато смысл его дальнейших рассуждений сводится к тому, что больше всех виноваты журналисты, которые слишком цветисто расписывали заслуги Брежнева. Но так ли это? Слово бы понимая свою неправоту, К. Т. Мазуров высказывает мысль, что, мол, «разобраться надо, кто начинал, может быть, сам носитель культа».

«Носитель», разумеется, не сидел сложа руки, но ведь и окружение его изрядно «поработало», создавая культ личности Брежнева, который точнее назвать культом должности. Уже вскоре после октябрьского пленума вовсю был запущен механизм славословия. Немаловажным импульсом для этого послужило предпринятое XXIII съездом КПСС преобразование Президиума в Политбюро ЦК и восстановление поста Генерального секретаря. В данном контексте интересно отметить, что такое положение сохранялось до XVII съезда партии, после которого Пленум ЦК уже не избирал Генерального секретаря, причем фамилия Сталина при перечислении состава Секретариата называлась просто по алфавиту. На то были причины, которых мы здесь не касаемся. Скажем лишь, что для Сталина, занимавшего указанный пост с апреля 1922-го по февраль 1934-го, приставка «Генеральный» носила чисто формальный характер, поскольку к тому времени он фактически был уже бесспорным лидером партии и ее руководящих коллегий, хотя, например, Л. Б. Каменев, А. П. Смирнов, Н. Б. Эйсмонт считали, что он не годится для этой роли.

На XXIII съезде, обосновывая целесообразность восстановления поста Генерального секретаря, говорилось о том, что должность эта была введена после XI съезда якобы по инициативе Ленина. И хотя предложение восстановить пост Генсека внес на съезде тогдашний секретарь Московского горкома Н. Г. Егорычев, для всех было очевидно, что инспирировано оно верхами, а точнее, самим Брежневым. Предложение переименовать Президиум ЦК в Политбюро опять-таки мотивировалось тем, что так было заведено еще при Ленине.

Именем Ленина еще не раз будут прикрываться в те годы. В 1973 году начался обмен партдокументов, и средства массовой информации оповестили весь мир о том, что рукой Генерального

секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева подписан был партийный билет за № 00000001 на имя Владимира Ильича Ленина; буквально на следующий день было сообщено, что партбилет за номером 00000002 вручен самому Леониду Ильичу. Вдохновителей этих «Процедур» даже не смутил тот факт, что в биографии В. И. Ленина (издание 1960 года) была помещена фотография ленинского партбилета № 114482, выданного ему в 1922 году за подписью секретаря Замокворецкого райкома (райкома, а не ЦК). Партбилет, выданный Ленину в 1917 году и подписанный членом Выборгского райкома, учеником Ильича по партийной школе Лонжюмо И. В. Чугуриным, имел № 600. Что же касается билета № 1, то его выдали питерскому рабочему Г. Ф. Федорову, активному участнику Октябрьской революции, в доме которого Ленин скрывался перед отъездом в Разлив. Об этом замечательном большевике можно прочесть на странице 565 50-го тома Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

Популярность нового лидера партии катастрофически падала. «Трюком» с выпиской партбилета № 1 на имя В. И. Ленина и партбилета № 2 на имя Брежнева искусственно пытались доказать «преемственность» новым руководством страны ленинского курса («от Ильича до Ильича!»). Ближайшее окружение Брежнева делало все, чтобы поддерживать своего «патрона», и не кто иной, как «серый кардинал» Суслов, как его называли, предлагает осуществить ряд мер по укреплению авторитета Л. И. Брежнева, увязав это с приближавшимся 70-летием последнего. Среди прочего предусматривалось подготовить к изданию книгу «Леонид Ильич Брежнев. Краткий биографический очерк». Об этом стоит рассказать особо, тем более что волею судеб мне пришлось возглавить эту работу, выполняя поручение ЦК. Рассказать хотя бы ради того, чтобы покаяться.

Однажды, когда директор Института марксизма-ленинизма был в отпуске и я как первый заместитель выполнял его обязанности, меня вдруг вызвали к тогдашнему секретарю ЦК Михаилу Васильевичу Зимянину, который ведал вопросами идеологии. В самом начале беседы мне было сказано: «Есть поручение оперативно подготовить и издать краткий биографический очерк о Леониде Ильиче Брежневе. Объем — где-то листиков 8–10. Срок исполнения — 6 месяцев». Когда зашел разговор о содержании работы, хозяин кабинета вдруг бросил фразу: «Но чтобы все было без соплей и воплей!» Честно скажу: меня эта фраза и удивила, и обрадовала. Все это не вязалось с общим тоном нашей тогдашней пропаганды, с безудержным славословием, которое процветало в то время. Очень не хотелось мне, чтобы и наш Институт участвовал в кампании по созданию нового культа. Поделился своими мыслями с Михаи-

лом Васильевичем. Тот лукаво улыбнулся и после некоторой паузы сказал, что по всем вопросам, связанным с подготовкой и изданием рукописи, я должен буду обращаться прямо к нему или к Суслову.

Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, что при выполнении данного нам поручения мы столкнулись с большими трудностями, поскольку не хватало материалов чисто биографического характера — у нас в отличие от Запада такие сведения не принято было публиковать. Чтобы не попасть впросак, попросили товарищей из ЦК КПСС выслать нам регистрационный бланк члена КПСС Л. И. Брежнева, где обозначены лишь самые краткие биографические данные. Остальное надо было скрупулезно выискивать, как это делали, например, помощники тогдашнего первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова, которые в конечном итоге обнаружили номер многотиражки Днепродзержинского металлургического комбината, а в нем заметку, содержащую похвалу группарторгу Леониду Брежневу. Казалось бы, не ахти какая находка, но когда Тяжельников упомянул о ней в своей речи на съезде партии, это имело «нужный» эффект... Позже появится печально знаменитая «автобиографическая» трилогия Брежнева, написанная бойкими перьями тех, кто тоже «выполнял поручение»...

Впрочем, если говорить честно, на поиски и времени-то особого не было, поэтому то, что было связано с биографией Брежнева, заняло совсем мало места. Старались больше говорить о деятельности партии, ее ЦК. Мы не усердствовали по части славословия, хотя обойтись без него не смогли, ибо на это толкал и сам жанр, характер книги. Скажу еще, что эта рукопись из-за сроков и специфики потребовала огромного напряжения сил... Работая над ней и выпуская ее в свет, мы отнюдь не претендовали на какие-либо лавры, не афишировали ее, благо работа была безымянная. Хотя кое-кто и намекал прозрачно насчет «вхождения куда следует», однако если говорить со всей откровенностью, лавров Институту это издание не прибавило. Вспоминаю, как однажды заведующий секретариатом ИМЛ принес мне эту книжицу и пояснил, что прислал ее один читатель со своими комментариями, которые помещены внутри. Освободившись от неотложных дел, я стал перелистывать присланный читателем наш многострадальный труд, и оказалось, что почти все страницы книги перечеркнуты крест-накрест цветным карандашом, а на многих страницах сделаны надписи: «Зачем выпускали?», «брехня», «чушь собачья», «Брежневу давно пора уходить. Куда он ведет и приведет страну?», «А за что, за какие же заслуги такой “золотой дождь”?», «Разве на Малой земле решился исход войны?», «Орден Победы выдается только полководцам. А какой же к черту Брежнев полководец?

Все это делают лизоблюды и подхалимы из окружения Брежнева. Стыд им и позор!». И все в таком духе, а кое-где даже похлеще.

Читать это было, разумеется, неприятно, но ведь и возразить было нечего, тем более что стараниями вассалов на Брежнева в то время и действительно ниагарским водопадом низвергался золотой дождь звезд, всевозможных наград и почестей. С различных трибун, в том числе и самых высоких, звучали речи, все чаще и чаще напоминавшие задравные тосты. Замечу к слову, что на октябрьском (1964 года) Пленуме ЦК Суслов с праведным гневом клеймил Хрущева за то, что тот бесцеремонно способствовал восхвалению и возвеличанию своей личности, что угодники все делали для того, чтобы едва ли не в каждом газетном номере публиковались его фотографии, длинные речи. После тирад такого рода в зале раздавались аплодисменты, и никто, конечно же, не догадывался, что пройдет время и новые угодники, в числе которых будет и сам Суслов, создавая культ Брежнева, будут действовать куда более активно и целенаправленно. Тот же Хрущев с трибуны съезда пытался хотя бы для порядка приструнить чересчур ретивых аллилуйщиков; у Брежнева не было этого даже в помыслах. Аллилуйщиков ничуть не смущало, что славословие в адрес лидера принижает роль коллективных органов партии, что наподобие яда оно медленно, но верно оказывает свое разрушающее действие.

Одним из тех, кто активно способствовал прославлению «вождя», был К. У. Черненко, отмеченный самыми высокими наградами и почестями вплоть до присуждения, правда, в закрытом порядке, Ленинской премии за участие в... реконструкции одного из кремлевских зданий.

Коль скоро речь зашла о Черненко, скажу, что знал я его довольно хорошо по совместной работе в секторе (он им тогда заведовал) идеологического отдела ЦК. По натуре замкнутый, немногословный, он не больно-то легко открывался. О таких людях обычно говорят: «себе на уме», что в общем-то соответствовало натуре Константина Устиновича Черненко. Добросовестный, исполнительный службист до мозга костей, он всегда стремился и умел потрафить начальству: вовремя что-то сказать, вовремя, если сложились другие обстоятельства, промолчать многозначительно. Не будучи мастаком по части писания бумаг, умело использовал возможности других, выжимая из подчиненных ему работников максимум возможного, причем даже и в делах, не входивших в круг их прямых обязанностей. Обладал совершенно поразительным чутьем в отношении приемлемости или неприемлемости того или иного готовившегося в секторе документа, тонко и почти безошибочно угадывая конъюнктуру, требования момента.

«Голубой мечтой» Черненко был пост заместителя заведующего отделом, благо с тогдашним заведующим отделом Л. Ф. Ильичевым у него сложились очень хорошие отношения. Мечта была близка к осуществлению, не стань Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, который, формируя свой аппарат, первым делом пригласил К. У. Черненко, чтобы предложить тому пост начальника канцелярии Председателя. На размышление был дан всего лишь день, и именно в тот день, когда Черненко должен был дать ответ Брежневу, я зашел к нему с каким-то срочным делом. И что же я вижу? Сидит мой шеф, обхватив голову обеими руками, туча тучей, сам чуть не плачет. Отложив довольно небрежно принесенную мною бумагу, после длительной и мучительной паузы он вдруг сказал мне о предложении, которое сделал ему Брежнев. Подобный приступ откровенности случался с ним лишь в самых исключительных случаях. «Если бы ты знал, как я этого не хочу! — сказал он мне. Но что делать? Отказаться — значит испортить отношения с Брежневым, а это мне может дорого обойтись».

Брежневу он дал согласие, хотя новый пост был для него, по существу, понижением. Значительно позже стал Черненко начальником Секретариата Президиума Верховного Совета, и таким образом его статус заметно был повышен. С уходом его из ЦК разошлись и наши пути. Честно говоря, думалось, что так он теперь и застрянет на этом новом для себя поприще, тем более что указанной должности он вполне соответствовал. И конечно же, я и представить себе не мог, какой неожиданный оборот примут события всего лишь через какие-нибудь три-четыре года, какие перемены произойдут в жизни Черненко.

Когда Брежнев стал лидером партии и страны, уже можно было с большой долей вероятности предположить, что Черненко он переведет в ЦК и скорее всего на должность заведующего Общим отделом, поэтому назначение последнего на указанный пост у меня не вызвало, да и не могло вызвать удивления. Тогда, помню, мысль мелькнула: «Ну вот и достиг он своего потолка». Так же, вероятно, думали многие из тех, кто знал возможности Черненко. И когда того избрали секретарем ЦК, оставив одновременно заведующим Общим отделом, даже это можно было еще как-то объяснить, понять, хотя тут уже был большой перебор. Последующий же взлет его был, что называется, фантастическим, особенно если иметь в виду его избрание Генеральным секретарем. Такое, даже с учетом наших тогдашних «порядков», никак не укладывалось в голове.

Те качества Черненко, о которых я говорил выше, позволяли ему стать среднего уровня (и то для своего времени) заместителем заведующего отделом и даже заведующим, скажем, Общего отдела,

в котором он мог, повторю, проявить присущие ему качества и наклонности. На роль же главного идеолога партии, тем паче Генсека он не годился никак, не обладал для этого ни интеллектом и эрудицией, ни политическим кругозором, ни общей культурой, ни организаторскими способностями. Вспоминаю в этой связи 1983 год, июньский Пленум ЦК КПСС, речь Ю. В. Андропова и доклад К. У. Черненко. И речь, и доклад были подготовлены бригадами аппаратчиков при участии ученых. Однако, слушая Андропова, было ясно всем, что над подготовленным материалом он работал дополнительно, внес в него много своего, глубоко осмысленного, выношенного годами. Доклад такого впечатления не произвел, я уже не говорю о том, что «главный идеолог партии (а Черненко тогда им числился) часто спотыкался, неправильно произносил многие слова. В кулуарах говорилось откровенно: до чего же мы дожили? Каково же было потом, когда Черненко стал лидером партии и страны!

Надо сказать, что Черненко претендовал на пост Генерального секретаря ЦК сразу после смерти Брежнева.

Выбор кандидатов на этот пост по тогдашним условиям был весьма ограничен — или Черненко, или Андропов, и объективно дело складывалось так, что вокруг них и развернулась настоящая борьба. Именно борьба, ибо не все было так просто, как это подчас изображает наша печать, упрощая сложнейшую ситуацию: «На следующий день, после того как страна узнала о смерти вождя, в Москве состоялся внеочередной Пленум ЦК КПСС», «на повестке дня стоял всего один вопрос — избрание нового Генерального секретаря», «накануне этот же вопрос обсуждался на экстренном заседании Политбюро, которое поручило Константину Черненко предложить участникам Пленума кандидатуру секретаря ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова», — все, повторяю, просто, но в действительности многое было совсем не так.

<...>

Что касается рекомендации на пост Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова, то она была весьма лаконичной. Для порядка назвав Юрия Владимировича ближайшим соратником Леонида Ильича, который высоко ценил его, Черненко заявил, что все члены Политбюро считают, что Юрий Владимирович хорошо воспринял «брежневский стиль руководства», «брежневскую заботу об интересах народа», «брежневское отношение к кадрам».

«Хорошо воспринявший брежневский стиль» Ю. В. Андропов, став Генсеком, действовал вопреки этому «стилю».

<...>

Несомненно, по своим качествам он стоял несравненно выше Брежнева, и отнюдь не случайно, что после октябрьского Пле-

нума, как об этом уже сообщалось в печати, именно он, а никто другой, предложил наиболее емкую, четкую программу действий. Программа эта была более последовательной, чем при Хрущеве, опиралась она на линию XX съезда партии. В нее были включены такие пункты, как экономическая реформа, переход к современному научному управлению, развитие демократии и самоуправления, сосредоточение партии на политическом руководстве, прекращение гонки вооружений, ставшей бессмысленной, и, наконец, выход СССР на мировой рынок с целью приобщения к новой технологии.

К сожалению, эти меры, назревшие, продиктованные общественным развитием страны, не встретили понимания ни у Брежнева, ни у Косыгина, ни у других влиятельных в то время членов Политбюро. Результатом предпринятого Андроповым шага стало перемещение его самого на пост Председателя КГБ, что устраивало и Суслова, который подозревал Андропова в том, что тот метит на его место, и одновременно Брежнева, стремившегося иметь во главе КГБ верного человека, чтобы обезопасить себя от той «шутки», которую сыграли с Хрущевым. Для большей верности он держал при Андропове в качестве первых замав и соглядатаев своих верных людей — земляка Цинева и уже упоминавшегося Цвигуна.

Несмотря на тяжкую болезнь, Ю. В. Андропов, став Генсеком, внес весомый вклад в работу ЦК партии по преодолению тех трудностей, с которыми столкнулась страна. Наш народ воздает ему должное за все то доброе, что сделано им в интересах партии и государства, за умение мыслить широко и масштабно, за высокую принципиальность, требовательность и личную порядочность. Но Ленин учил нас видеть у тех или иных деятелей как достоинства, так и недостатки и слабости, как плюсы, так и минусы. Что же касается Ю. В. Андропова, то с него, по моему глубокому убеждению, никак нельзя снимать политическую ответственность не только за застойные явления в стране в «эпоху Брежнева», но и за серьезные недостатки, промахи и даже срывы в работе Комитета государственной безопасности, который он возглавлял много лет. Да, на этой должности Ю. В. Андропов много делал для улучшения деятельности КГБ, но вместе с тем, в великому сожалению, верно и то, что именно тогда началась в стране «охота на ведьм», усиленно создавался образ врага, применялись непомерно суровые методы борьбы против инакомыслящей интеллигенции. Именно в те годы шла во многих случаях неоправданная «утечка мозгов» за рубеж. В борьбе с инакомыслием КГБ вкупе с другими ведомствами применял порой совершенно дикие по своему характеру и формам методы. Чего стоит уничтожение выставки художников-нонконформистов в семьдесят четвертом

году в Москве, когда в ход пустили бульдозеры?⁴ Кстати, по общению «Правды», организатор этой печальной памяти выставки А. Глезер, оказавшись на Западе, создал в Париже и Нью-Йорке два музея русского современного искусства, а теперь, глубоко сочувствуя начатым на его вынужденно покинутой родине преобразованиям, объявил о создании «Международной ассоциации интеллигенции в пользу перестройки», обещает передать 300 полотен, из которых 50 принадлежат ему лично, в будущий музей современного искусства в Москве⁵.

Никуда не уйдешь и от прискорбного фанта, что конец 60-х, все 70-е и начало 80-х годов ознаменовались у нас в стране широкой кампанией по борьбе с так называемыми диссидентами, или «узниками совести», чьи высказывания объявлялись клеветой на советский общественный строй. Судебными процессами, тюремным заключением и ссылкой дело, однако, не ограничивалось. Для усмирения инакомыслящих использовались психиатрические больницы, куда направляли совершенно здоровых людей. Так было, например, с героем Великой Отечественной войны, ныне покойным генералом Петром Григорьевичем Григоренко, с известным ученым-биологом Жоресом Медведевым, проживающим ныне в Англии и издавшим несколько книг, вызвавших большой интерес зарубежных читателей. К слову сказать, популярный ныне историк Рой Медведев, родной брат Жореса, давно уже и широко известный на Западе своими произведениями, издававшимися там, долгие годы «ходил» в тунейдках и диссидентах. Любопытный факт: Ю. В. Андропов, в бытность свою секретарем ЦК КПСС, не только не осудил, как об этом сообщает сам Р. А. Медведев в газете «Московские новости» от 12 февраля 1989 года, его работу над книгой «Перед судом истории», но и советовал продолжать ее. Однако, став вскоре Председателем КГБ, Андропов передал Медведеву свое пожелание продолжать начатое исследование, но не издавать рукопись за рубежом, ибо в противном случае против того будут приняты меры, а он, Андропов, не сможет ему помочь. Медведев не внял совету, и свой первый большой труд, посвященный Сталину и сталинщине, издал в США, после чего был исключен из партии за «клевету на советский общественный строй». Гришин тогда заявил на бюро горкома: «У нас теперь иное отношение к Сталину». После смерти Ю. В. Андропова целых полтора года три офицера КГБ следили за квартирой Медведева, проверяли каждого, кто туда входил.

Замечу также, что Рой Медведев, сам того, возможно, не подозревая, оказался человеком, по вине которого пострадал в 1982 году житель Сочи А. П. Чурганов, приговоренный коллегией Краснодарского краевого суда к шести годам лишения свободы; в числе

самых «страшных» обвинений было и такое: «С целью подрыва и ослабления Советской власти, сблизившись с жителем г. Москвы Роем Медведевым, получал от него печатные произведения, издаваемые за рубежом...»

Беспрецедентной мерой борьбы с инакомыслием в послесталинское время была ссылка без суда и следствия. Так был сослан в Горький «главный диссидент» академик Андрей Дмитриевич Сахаров, что одновременно сопровождалось кампанией клеветы в его адрес, когда публиковались разного рода «протесты» писателей, композиторов, рабочих. В числе прочих было и составленное в тиши кабинетов «обличительное» письмо под заголовком «Когда теряют честь и совесть» («Правда», 29 августа 1973 г.), подписанное сорока академиками, проявившими малодушие и не решившимися, как это сделал, скажем, академик В. Гольдманский, выступить в защиту Сахарова. Письмом дело не кончилось. Были предприняты упорные попытки добиться исключения Сахарова из Академии наук СССР, но к чести большинства академиков и к неудовольствию организаторов травли эта попытка была сорвана. Остается только сожалеть, что Академия не смогла защитить выдающегося ученого и честного человека от притеснений, унижений и надругательства над его именем; иначе чем надругательством нельзя, на мой взгляд, назвать и книгу «ЦРУ против СССР», автор которой Н. Яковлев обливал грязью известного всему миру ученого.

Масштабы репрессий тех лет не идут, конечно же, ни в какое сравнение со сталинскими. Но одно то, что происходило это после XX и XXII съездов партии, не может не поражать. Нет никакого оправдания тому, что после «оттепели» подули холодные ветры. Повинны в этом, конечно, не только работники КГБ и его руководители, хотя, несомненно, их вклад был немалым. И здесь я не могу не согласиться с А. Д. Сахаровым, который пишет, что, с одной стороны, органы КГБ благодаря своей элитарности оказались почти единственной силой, не затронутой коррупцией и поэтому противостоящей мафии, а с другой — встали на путь безжалостного преследования инакомыслящих. Противоречие это и двойственность, по мнению Сахарова, несомненно, отразились и на личной судьбе, и на позиции руководителя КГБ Ю. В. Андропова. В самом деле, не дай в свое время Андропов сильный импульс в деле разоблачения коррупции, организованной преступности наших доморожденных мафиози, могло и не появиться ни «узбекских», ни «краснодарских», ни «московских» громких дел. Как признают сами следователи по особо важным делам Прокуратуры СССР, участие КГБ в ходе следствия сыграло решающую роль, например,

в деле небезызвестного Трегубова, который, пользуясь покровительством Гришина, многие годы совершал тягчайшие преступления.

Но, с другой стороны, и об этом справедливо пишет в «Огоньке» А. Головков (№ 4, 1989), именно работники КГБ в эпоху Брежнева буквально стряпали дела некоторым истинным патриотам, проводили их через суды, «подчиняющиеся только закону», отправляли на муки мученические в колонии строгого режима и ссылки. Там такие же «служители Закона» всячески глумились над заключенными, по надуманным поводам создавали новые «дела» что влекло для заключенных новые сроки и новые муки. Доводя людей до полного отчаяния, заставляли их «раскаиваться» в грехах и преступлениях, которых те не совершали: эти сюжеты показывали по Центральному телевидению, статьи о «прозрении» публиковались в газетах. «Метода», как видим, очень смахивает на ту, что применяли сталинские опричники. <...>

Все эти противоречивые факты относятся опять же к тому периоду, когда во главе КГБ стоял не кто иной, как Ю. В. Андропов. Когда связываешь все это с его именем, то невольно думаешь: как этот человек, с его высокими принципами, справедливо считавший, что необходимо более последовательно проводить курс XX съезда партии, вдруг сам выступает в роли гонителя тех, кто осмелился поднять наболевшие проблемы политической, религиозной, национальной жизни, свободы творчества. Наиболее убедительное объяснение, на мой взгляд, в том, что находился он под сильным давлением сверху, особенно со стороны таких деятелей, как Суслов, хотя, повторяюсь, это ни в коей мере не снимает ответственности и с самого Андропова.

Мне особенно больно писать обо всем этом, так как я искренне уважал Ю. В. Андропова. Замечу, к слову, что свое отношение к нему автор этих строк выразил в статье «Жизнь, отданная народу», опубликованной 15 июня 1984 года в «Правде» в связи с 70-летием Ю. В. Андропова, хотя в то время во главе партии и страны находился человек, который, выражаясь деликатно, сильно недолюбливал последнего. Но факты есть факты и не замечать их нельзя.

<...>

Сделав это отступление, вернусь к вопросу, ради которого взялся за эти заметки, — о политической ответственности тех, кто был в ближайшем окружении Брежнева, и особо выделю период, когда закатывалась брежневская эпоха и неизбежно возник вопрос о преемнике лидера, который, правда, был лидером уже чисто формально, символически...

<...>

Никогда не забуду отвратительные политические шоу, которые разыгрывались в те дни, когда Черненко уже одной ногой стоял в могиле. В ходе избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР велись передачи из загородной больницы — на всю страну демонстрировали К. У. Черненко, который опускает бюллетень в избирательную урну, получает через несколько дней временное удостоверение о его избрании депутатом Верховного Совета, читает благодарственную речь, которую его заставили читать, и было видно, чего ему стоило все это. Организатором этих нелепейших акций был В. В. Гришин, бывший первый секретарь МГК КПСС, претендовавший на пост Генсека. Именно ему, а не Черненко нужны были эти шоу, которые срамили и позорили нас на весь мир, порождали насмешки и злые анекдоты. Заставлять смертельно больного позировать перед телекамерами — что может быть нелепее и кощунственнее! Но чего не сделаешь ради своей карьеры, ради заманчивой перспективы стать первым в партии и стране!..

Вспоминая и анализируя все эти факты, осмысливая свой жизненный опыт, я часто задумываюсь: как же сделать, чтоб не повторилось прошлое? Конечно, крайне важно сломать старый механизм торможения, покончить с накопившимися заводами безнравственности, лжи и лицемерия, возродить забытые, а порой сознательно отвергнутые во времена сталинщины и брежневщины ленинские идеи и нормы партийной и государственной жизни. Важнейший урок и гарантия необратимости благотворных процессов перестройки, на мой взгляд, в том, чтобы с помощью демократических механизмов и структур начисто исключить такое положение, при котором судьбы партии и народа, как это было в недалеком прошлом, определялись бы всякого рода случайностями, эгоистическими интересами консервативных сил в руководящем ядре партии, далекими от интересов общества и находящимися в вопиющем противоречии с ленинскими принципами партийной и государственной жизни.

Впрочем, эта тема требует отдельного разговора.

